

Ми Ло увидела человека за спиной А'Ду, Пэй Чжао, и не в силах ничего с собой поделать, уставилась на него. Когда другие люди видят пару ясных глаз Ми Ло, они бывают поражены, но Пэй Чжао, похоже, это не касается. Впрочем, семья Пэй Чжао была из столицы, так что он наверняка многое повидал на своем веку. Столица была оживленной, заполненной женщинами, продающими вино на улицах, и Пэй Чжао, конечно, сохранил невозмутимое лицо даже в такой ситуации.

В этом винном магазине подавали хорошее вино и вкусную говядину. Ми Ло приказала кому-то нарезать немного мяса и подать нам на стол. Стоило нам рассестись, внезапно пошел дождь.

Осенние дожди часто затягиваются, создавая звуки при ударе по бамбуковой черепице. Посетители, сидевшие рядом с нами, были купцами из Персии. В этот момент они достали флейту и начали играть на ней. Мелодия была очень странной, но забавной. Этот звук в сочетании с шумом дождя обладал каким-то особым очарованием.

Ми Ло, услышав звуки флейты, поставила кувшин с вином, запрыгнула на стол и заплясала босиком. Ее фигура была очень мягкой и соблазнительной, а льющаяся мелодия прекрасно дополняла ее движения. Колокольчики на ее руках звучали, как дождь, в сочетании со звуком флейты, это было похоже на танец золотой змеи. Когда окружающие люди захлопали в ладоши и закричали «хорошо», Ми Ло спрыгнула на пол перед столом и заплясала вокруг нас троих.

С тех пор как я покинула Западную Лян, я никогда не улыбалась от души. Движения Ми Ло были очень плавными и мягкими, она достала ленту и закружила ее вокруг моего тела, как бабочка, летающая туда-сюда. Я делала то же самое, что и она, следуя в такт музыке, стараясь повторить ее жесты, но у меня получалось не так быстро и умело. Ми Ло покрутилась несколько раз, А'Ду передала мне гуань [1], и я, вдохновленная царящей атмосферой, начала играть.

[1] гуань - китайский духовой язычковый инструмент, род гобоя. Инструмент состоит из цилиндрического ствола с 8 или 9 игровыми отверстиями.

Когда персидские купцы увидели, как я играю на гуане, они подхватили мотив. Сыграв так немного, я почувствовала запах от тарелки с говядиной передо мной, поэтому передала гуань Пэй Чжао со словами: «Теперь твоя очередь!» После я схватила палочки для еды, желая полакомиться ароматными кусочками говядины.

Я никогда не думала, что Пэй Чжао способен играть на гуане и при том играть неплохо. Гуань звучала несколько печально, звуки флейты были более интенсивными, но два этих инструмента на удивление хорошо сочетались. Звучавшая мелодия навеяла мне мысленный образ: будто мы находились в пустыне за заставой Юймэнь [2], и издалека можно было слышать неясный звон колокольчиков на верблюдах, и вот их силуэты уже появились на пустынном холме. Звук колокольчиков постепенно становился все ближе, и внезапно ворота открылись, большая группа верблюдов приблизилась, демонстрируя дарованную им от природы красоту и силу. Звук шагов, шум ветра, бесчисленные звуки, смешанные вместе, были похожи на хор. Ми Ло танцевала очень быстро, порхала, как золотой лебедь, и, глядя на нее, у меня закружилась голова.

[2] застава Юймэнь - западный пограничный пост на Великом Шелковом пути.

Музыка звучала очень грустно, и перед глазами у меня сама собой возникла картина: самец орла летит по небу, глядя вниз на пустыню, летит все выше и выше... Вот сильный порыв ветра поднял пыль и песок с земли... Когда я закончила есть, орел улетел на самую высокую снежную гору, и снежный лотос расцвел на горной вершине. Орел расправил крылья и пролетел мимо, и одно перышко отлетело от его тела и принялось медленно падать, уносимое ветром. Оно продолжало падать, пока не оказалось в снегу перед цветком снежного лотоса. Ветер подхватил разбросанный снег и одно-единственное перышко. Слегка покачивая лепестки снежного лотоса, со временем он, наконец, совсем затих...

Звуки гуань и флейты прекратились спонтанно. В винном магазине стало так тихо, что даже звук капающей снаружи воды был отчетливо слышен. Ми Ло развалилась на столе, тяжело дыша, казалось, из ее ясных глаз вот-вот польются слёзы, когда она протянула: «Я больше не могу!..» Персидские купцы рассмеялись. Кто-то налил чашу вина и подал ее Ми Ло. Сделав глубокий вдох, Ми Ло выпила чашу вина на пустой желудок, потом посмотрела на Пэй Чжао и улыбнулась: «Ты хорошо сыграл!»

Пэй Чжао не ответил. Используя вино, он почистил гуань и передал ее мне.

- Кто бы мог подумать, что ты умеешь играть на гуане, - сказала я. - В столице не так много людей, которые научились на ней играть.

- Мой отец однажды побывал в Западных регионах и привез много музыкальных инструментов, одним из которых была гуань. С самого детства, когда у меня было свободное время, я учился играть на ней.

Я хлопнула в ладоши, улыбаясь, и сказала: «Точно! Твой отец ведь храбрый генерал, Пэй Куан. Мой отец уже сражался с ним раньше. Он действительно был человеком, способным возглавить армию».

- Хан слишком преувеличивал, - возразил Пэй Чжао.□□

- Мой отец не станет просто так кого-то хвалить. Если он сказал так, значит, действительно уверен в способностях твоего отца.

- Ясно, - только и сказал Пэй Чжао.

В тот момент, когда он сказал «Ясно», я почувствовала, что это больше не весело. К счастью, персидские купцы затянули песню и отвлекли меня. Мелодия оказалась грустной и трогательной. Ми Ло выпила еще одну чашу вина, и, зная, что мы не понимаем, тихонько пропела ее на нашем языке. Как оказалось, персидские купцы пели:

Луна была яркой вдали от нашего родного города,

Луна была круглой, родной город исчез.

Звезды ярко сияли вдали от нашего родного города.

Вселенная светилась огнями,

Трудно было вернуться в наш родной город.

Ветер дул нежно, дул в наш родной город.

Солнце ярко светило в сторону нашего родного города.

Похороните меня в горах, похороните там, где...

Слушая, как Ми Ло поёт эти строки, я не могла не чувствовать грусти и бессознательно выпила еще чашу вина. Пэй Чжао слегка кивнул головой и сказал: «Чувство тоски по дому испытывает каждый. Эти персидские купцы скучают по своей Родине, тогда почему не возвращаются домой?»

Я вздохнула: «Не все такие, как ты. С самого рождения ты никогда не уезжал из своего родного города. У них просто не было выбора, кроме как покинуть родные места».

Пэй Чжао на мгновение замолчал, но, увидев, что я собираюсь выпить еще одну чашу вина, не удержался и сказал: «Гунцзы слишком много выпил».

Я бесстрастно спросила: «Как мне избавиться от печали? Только Ду Кан [3] поможет!»

[3] здесь Ду Кан используется в переносном смысле и означает «вино» (по фамилии и имени обожествлённого мифического изобретателя вина).

Ду Кан, живший в период правления Желтого Императора Хуанди, считается первым виноделом в Китае. О Ду Кане, которого в Китае называют «Бессмертным вина», сложено множество преданий. Одно из них гласит, что место, где Ду Кан начал делать свои вина, находится в семи километрах на северо-запад от городской черты округа Байшуй, провинция Шаньси. Легенда повествует, что одним зимним днем Ду Кан поместил сваренную кашу из сорго внутрь полого пня. Весной какой-то нежный, тонкий аромат достиг носа Ду Кана. И вскоре он обнаружил, что приятный запах идет от пня с перебродившим в нем сорго.

Увидев, что Пэй Чжао смотрит на меня с удивлением, я вытянула три пальца и сказала: «Я

очень способная. У меня наготове всегда несколько стихотворений. Это было всего лишь строчка из них».

На этот раз императрица вызвала Ли Чэн Иня и меня.

Я не видела Ли Чэн Иня уже несколько дней, и он, казалось, стал немного выше. Поскольку он должен был войти во дворец, помимо его обычной одежды на нем была корона из тонкого нефрита в сочетании с золотыми украшениями. Он ни разу не взглянул на меня, когда садился в паланкин.

После встречи с императрицей, я поняла, что происходит. Как оказалось, Сюй Нянь внезапно одолели сильные рези в животе. Императорский лекарь обнаружил, что в пищу было добавлено что-то, вызвавшее преждевременные схватки. Затем императрица приказала задержать всех слуг, которые служили Сюй Нянь. После этого вся еда и вода были запечатаны в дворцовой резиденции для осмотра. Наконец, в рисе были обнаружены вещества, которые привели к смерти ее еще нерожденного ребенка. Императрица, естественно, пришла в ярость, приказав наказать слуг. В конце концов, они признались, что действовали по чьему-то приказу.

Голос императрицы оставался мягким и спокойным: «Я привела Сюй Нянь во дворец, потому что боялась, что мать и ребенок столкнутся с некоторыми трудностями, в конце концов, этот ребенок первый в Восточном дворце. Кто бы мог подумать, что произойдет такое? Когда я закрыла глаза, кто-то сплёл паутину заговора. Я живу во дворце уже много лет, но такой ситуации еще никогда не случалось!»

Хотя ее тон был мягким, но фразы, которые она использовала, - я никогда не слышала, чтобы она говорила так. Я ничего не могла поделать, и боялась даже дышать. Все люди в зале дворца, как и я, затаили дыхание, чтобы не шуметь. «Вы знаете, кто подкупил дворцовую служанку, чтобы сделать это?» - спросила императрица.

Я посмотрела на Ли Чэн Иня. Он не смотрел на меня, просто тихо сказал: «Я не знаю».

Императрица приказала женщине-чиновнице: «Прочтите показания, чтобы их услышали наследные принц и принцесса».

Женщина-чиновница начала зачитывать заявление дворцовой служанки. Я почувствовала себя глупо, слушая это, а услышав еще несколько фраз, не могла не прервать: «Императрица, я этого не делала! Я никого не подкупала, чтобы отравить Сюй Нянь!»

Императрица едва слышно произнесла: «У нас есть свидетель и доказательства. Если ты утверждаешь, что не делала этого, докажи это нам».

Меня вновь несправедливо обвинили, да еще и в таком постыдном преступлении: «Зачем мне причинять ей боль? Я не знаю ее, я никогда не видела ее раньше, я даже понятия не имею, где она живет во дворце...»

Я не знала, что происходит, но меня явно кто-то подставил.

- Инь'эр, что ты думаешь? – спросила императрица Ли Чэн Иня.

Ли Чэн Инь, наконец, взглянул на меня, а затем опустился на колени со словами: «Матушка-императрица должна судить об этом».

- Характер наследной принцессы отличается от других, она принцесса Западной Лян, но бездумно совершила такой поступок. Похоже, она больше не годится для управления Восточным дворцом.

Ли Чэн Инь ничего не сказал.

Я была так зла, что моё тело сотрясало дрожь: «Я этого не делала! Даже если вы убьете меня сегодня, я не признаюсь в этом! Что касается Восточного дворца, то, честно говоря, мне на него наплевать, но я не позволю вам возводить на меня напраслину!»

- У нас есть свидетель. Инь'эр, что скажешь? – вновь спросила императрица.

Ли Чэн Инь гнул своё:

- Матушка-императрица должна судить об этом.

Императрица слегка улыбнулась и сказала:

- Быть супружеской парой в течение одного дня - это все равно, что быть влюбленными в течение ста дней. Смотрю, вас совсем не заботит привязанность, которая должна существовать между супругами?

Ли Чэн Инь понизил голос и сказал: «Мне тяжело это вынести, но внутри страны есть свои правила, внутри семьи - свои. На меня не могут повлиять личные чувства».

Императрица кивнула головой и сказала: «Хорошо, хорошо. У страны свои правила, у семьи свои, эта фраза подходящая». Ее улыбка медленно исчезла, и она приказала женщине-чиновнице: «Понизьте Чжао Лян Ди до статуса простолюдинки и выгоните ее из Восточного дворца!»

Я была потрясена. Во взгляде Ли Чэн Иня будто промелькнула молния. «Матушка!» - воскликнул он.

- Зачитанные показания не были ложными, но когда мы закончили записывать признание, дворцовая служанка покончила с собой, откусив собственный язык. Ее смерть означает, что мы больше не можем вызвать ее как свидетеля, поэтому я продолжила расследование. Я обнаружила, что в начале этого года семья Чжао помогла этой дворцовой служанке. Первоначально ее смерть означала, что накажут лишь ее семью, но впоследствии выяснилось, что у нее нет родственников, лишь приемная мать. В ее доме обнаружили сто серебряных монет, которые предназначались только для придворных чиновников. Мы схватили приемную мать и подвергли ее пыткам. Тогда она рассказала, что это Чжао Лян Ди послала кого-то к ней домой. Чжао Лян Ди использовала отличный способ, убив двух зайцев одним выстрелом, хороший ход, чтобы переложить вину. Ее сердце жестоко и полно ненависти. Если мы не накажем ее, то она уничтожит всю королевскую семью!

Я не понимала, о чем она говорит, а Ли Чэн Инь уже спешил вмешаться: «Матушка, пожалуйста, успокойтесь. Кто-то, должно быть, подставил Чжао Лян Ди, и мы должны провести тщательное расследование. Матушка, пожалуйста, не сердитесь, это причинит вред вашему телу».

Хорошо, когда он ничего не говорит, но как только он что-то говорит, это ухудшает ситуацию.

- Ты, должно быть, попал под чары этой лисицы! Эта Чжао Лян Ди плакала от досады, когда Сюй Нян забеременела, а теперь подкупила кого-то, чтобы причинить ей вред! Кроме того, она пыталась свалить вину на наследную принцессу, по-хорошему, ее было следовало предать смерти!

Ли Чэн Инь неоднократно повторял: «Матушка, пожалуйста, успокойтесь. Я знаю, что Чжао Лян Ди не такой человек. Матушка, пожалуйста, тщательно расследуйте это дело».

- Расследовать что? Что ребенок в животе Сюй Нян мешал другим? Этот ребенок для Чжао Лян Ди был словно бельмо на глазу. Именно такие люди в Восточном дворце являются источником бедствия для страны! - Императрица разозлилась еще больше. - Только что, когда зачитывали показания дворцовой служанки, ты не пытался защитить наследную принцессу. Теперь, когда правда открылась, ты продолжаешь утверждать, что эту хитрую лисицу обвинили ошибочно. Сейчас ты наследный принц, но позже ты станешь императором, как на тебя могут так сильно влиять личные чувства? Как ты можешь справляться с такими делами? Если я не убью ее, то в будущем она заставит тебя отказаться от всей империи!

Лицо Ли Чэн Иня побледнело, и я, все еще стоя на коленях, сказала: «Матушка, пожалуйста, успокойтесь. Чжао Лян Ди совершила необдуманную ошибку, но если вы прикажете убить ее, я боюсь... Боюсь, что...» Я не знала, что сказать, поэтому Ли Чэн Инь продолжил: «Матушка, прошу вас, рассуждайте трезво. Отец Чжао Лян Ди работает при императорском дворе, и Его Величество император сильно полагается на этого министра. Матушка, пожалуйста, подумайте ещё раз».

Императрица холодно рассмеялась: «Только что ты сам это сказал! У страны свои правила, у семьи - свои, ты не можешь поддаваться личным чувствам!»

Лицо Ли Чэн Иня выглядело так, словно он вот-вот упадёт замертво, но он упорно продолжал стоять на коленях и взывать к матери-императрице.

«Первоначально предполагалось, что именно наследная принцесса будет отвечать за дела Восточного дворца, - продолжала императрица. - У меня нет выбора, кроме как взять дело в свои руки. Мне самой придется разобраться с этой тварью». Она приказала женщине-чиновнице передать приказ. Я видела, что ситуация не улучшается, поэтому обхватила руками ноги императрицы, причитая: «Матушка, не могли бы вы позволить мне сказать несколько слов? Только что матушка сказала, что я отвечаю за дела Восточного дворца, я знаю, что никогда не делала этого хорошо, но матушка, пожалуйста, позвольте мне высказаться».

Императрица, немного успокоившись, коротко бросила: «Тогда говори».

- Наследному принцу очень нравится Чжао Лян Ди. Если матушка прикажет убить Чжао Лян Ди, наследный принц не будет счастлив до конца своей жизни. - Когда я испытываю беспокойство, я всегда говорю беспорядочно. - Наследный принц и я были супружеской парой в течение трех лет. Хотя я не пользуюсь благосклонностью наследного принца, но я знаю, что он не сможет жить без Чжао Лян Ди. Даже не будь ее, наследный принц все равно не полюбит меня. Кроме того, есть много вещей, которые я не могу сделать, но Чжао Лян Ди незаметно от всех помогает мне. Бухгалтерские книги Восточного дворца, я прочитала их, но не смогла разобраться. Тогда я отдала их Чжао Лян Ди, и она позаботилась об этом. Если бы не было Чжао Лян Ди, то Восточный дворец не был бы таким спокойным...

Я не знала, что еще сказать, поэтому повернулась и позвала Юн Нян: «Юн Нян, подтверди мои слова!»

Юн Нян поклонилась и сказала: «Слушаюсь». Она склонила голову и сказала: «Наследная принцесса имела в виду, что Чжао Лян Ди много лет верно служила наследному принцу, но никто так и не признал ее трудов. Кроме того, Чжао Лян Ди обычно очень хорошо относится к людям, уважает наследную принцессу и помогает ей управлять Восточным дворцом. Его Величество императрица, пожалуйста, считайте ее проступок просто необдуманной ошибкой и отнеситесь к этому снисходительно».

Императрица медленно произнесла: «Эту Чжао Лян Ди невозможно сдержать. Если вы оставите ее, Восточный дворец ждет катастрофа. Помните, как на церемонии коронации наследной принцессы, император отметил ее красоту и сказал, как нам повезло, что она попала в нашу королевскую семью. К сожалению, вы двое женаты уже три года и до сих пор не завели ребенка, а тут еще случай с Сюй Нян. Это заставляет меня чувствовать себя расстроенной».

Ли Чэн Инь, глядя в землю, пробурчал: «Моё поведение недостойно сына».

- Если ты все еще испытываешь ко мне какое-то уважение, - сказала императрица, - то тебе следует проводить больше времени с наследной принцессой и держаться подальше от этой лисы.

Ли Чэн Инь понизил голос, когда произнес: «Да».

Всякий раз, когда я хотела что-то сказать, Юн Нян тянула меня сзади за край одежды, намекая, чтобы я ничего не говорила. Уголок рта Ли Чэн Иня слегка шевельнулся, но он также ничего не сказал.

- Теперь можете встать, - дала свое дозволение императрица.

Ли Чэн Инь все еще стоял на коленях, не двигаясь, поэтому я тоже не смела подняться.

Императрица не смотрела на него, просто сказала: «Тебе не нужно слишком переживать из-за случившегося с Сюй Нян, в конце концов, ты все еще молод».

Ли Чэн Инь ничего не сказал. Думаю, он не особо переживал об этом, если бы он действительно чувствовал себя плохо, то только из-за Чжао Лян Ди.

Императрица снова сказала: «Но мне жаль Сюй Нян, даруй ей титул Бао Линь».

Ли Чэн Инь казался обескураженным: «Я не хочу... Я еще молод, в Восточном дворце много наложниц, мне кажется, это неуместно».

Я знала, что он обещал Чжао Лян Ди, что у него не будет другой наложницы, вот почему он так говорил. Как и ожидалось, императрица снова рассердилась, возопив: «Ты станешь императором в будущем, почему не понимаешь сути этого вопроса?»

Императрица посмотрела на меня и сказала: «Наследная принцесса, иди первой, навести Сюй Нян и утешь ее от моего имени».

Я все еще была глупа. Хотя и знала, что она пытается заставить меня уйти, чтобы прочитать лекцию Ли Чэн Иню, я все равно встала, поклонилась ей и ушла.

<http://tl.rulate.ru/book/12649/1583931>